А. А. Кизеветтеръ.

Изъ исторіи законодательства въ Россіи XVII-XIX вв

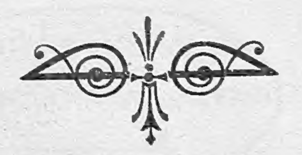
Изданіе
„Донская Рѣчь",
Ростовъ н-Д.

шк:
полка:
место:
2685

А. А. Кизеветтеръ.

Изъ исторіи законодательства въ Россіи XVII–XIX вв.

Изданіе
„Донская Рѣчь."
Ростовъ н-Д.

Дозволено цензурою 4 марта 1904 г. Ростовъ на Дону.

Ростовъ на Дону.
Типографія Т-ва „Донская Рѣчь".
1904

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изъ исторіи законодательства въ Россіи XVII—XIX вв.

Присматриваясь къ обращающимся въ такъ называемой «большой публикѣ» популярнымъ взглядамъ на ходъ русской исторіи, нетрудно замѣтить, какъ сильно отстаетъ большая часть этихъ взглядовъ отъ новѣйшихъ успѣховъ научной разработки исторіи нашей родины, какъ много въ этихъ взглядахъ затхлой шаблонности и устарѣлой условности. Многіе отголоски старыхъ предразсудковъ, давно разбитыхъ научной критикой, все еще бродятъ въ сознаніи общества, поддерживая въ немъ искаженныя представленія о крупнѣйшихъ процессахъ родной исторіи.

Однимъ изъ распространенныхъ шаблонныхъ воззрѣній на историческія судьбы нашей родины является утвержденіе о крайне скудномъ развитіи общественнаго почина въ дѣлѣ государственнаго строенія въ старой Россіи. Согласно этому взгляду, преобразовательныя начинанія въ старой Россіи шли обыкновенно сверху и довольно туго всасывались народной массой; общество не выдвигало изъ своей среды плодотворныхъ, творческихъ идей и не оказывало этимъ содѣйствія законодателю въ его созидательной работѣ.

Таковъ нерѣдко высказываемый еще и въ наши дни взглядъ на ходъ нашего государственнаго развитія.

А между тѣмъ, участіе земскихъ силъ въ сферѣ

областного управленія и въ сферѣ государственной дѣятельности—есть наша несомнѣнная національная старина.

Въ теченіе вѣковъ этотъ органическій элементъ русской жизни принимаетъ различныя формы сообразно съ общимъ ходомъ нашего государственнаго развитія. Мы уже не будемъ говорить о древнѣйшемъ, *вѣчевомъ* періодѣ русской исторіи. Мы обратимся прямо къ московскому царству. Мы хотимъ поставить на видъ, что участіе земства въ жизни страны служило одной изъ основъ государственнаго устройства Россіи уже въ самую раннюю пору существованія московскаго царства. Эта основа воплощалась въ различныхъ формахъ въ зависимости отъ общихъ условій текущаго историческаго момента, но она никогда не исчезала совершенно. Въ послѣдующемъ изложеніи мы и намѣрены сопоставить нѣсколько фактовъ, рисующихъ характеръ и размѣры земскаго почина въ исторіи крупныхъ законодательныхъ начинаній старой и новой Россіи. Мы распредѣлимъ наши наблюденія по тремъ моментамъ, отдѣленнымъ другъ отъ друга столѣтними промежутками. Одинъ изъ этихъ моментовъ падаетъ на половину XVII ст., другой—на половину XVIII ст., третій—на половину XIX ст.

I.

Соборное уложеніе 1648—49 гг.

Первая половина XVII ст. была эпохой тяжелаго испытанія для московскаго царства. Только что пронеслось «смутное время», «великая разруха» московскаго государства. Новая династія унаслѣдовала отъ этой «разрухи» пустую казну, изнуренное населеніе, прятавшееся и отъ разбойныхъ людей и отъ сборщиковъ государственныхъ налоговъ по лѣснымъ чащамъ и... иноземныхъ враговъ, твердой ногой ставшихъ на русскую землю: шведы сидѣли въ Новгородѣ, поляки—въ Смоленскѣ.

Стоитъ только пробѣжать «просительныя грамоты», съ которыми правительство Михаила обращалось, напримѣръ, къ богачамъ Строгановымъ, чтобы живо почувствовать, въ какомъ отчаянномъ положенiи находились тогда финансовые рессурсы государства. «Въ казнѣ нашей, писалъ царь, денегъ и хлѣбныхъ запасовъ въ житницахъ нѣтъ, служилымъ людямъ жалованья дать нечего... да у васъ же мы приказали просить взаймы, для христiанскаго покоя и тишины, денегъ, хлѣба, рыбы, соли, суконъ и всякихъ товаровъ, что можно дать ратнымъ людямъ... такъ вамъ бы непремѣнно ратнымъ людямъ на жалованье дать безъ кручины... что вы дадите, мы непремѣнно велимъ заплатить и службу вашу къ намъ и радѣнье ко всему московскому государству учинимъ на вѣки памятными. Если же вы намъ взаймы денегъ, хлѣба и товаровъ не дадите и ратные люди, не стерпя голоду и нужды, изъ Москвы разойдутся, то вамъ отъ Бога не пройдетъ такъ даромъ».

Но если такъ затруднительно было положенiе государственнаго казначейства, то въ не менѣе отчаянномъ состоянiи находился тогда и карманъ государственнаго тяглеца. Опустошенiе казны сопровождалось опустошенiемъ страны. Въ началѣ XVII вѣка были составлены «писцовыя книги», хозяйственныя описи государства. Эти книги развертываютъ предъ нами мрачную картину всероссiйской «разрухи». Громадныя пространства государственной территорiи очерчены здѣсь краткой, но выразительной отмѣткой: «изъ жила превратилось въ пусто».

Съ пустой казной и разореннымъ населенiемъ новой династiи предстояло вести тяжелую борьбу со шведами и поляками и поддерживать порядокъ во внутреннихъ частяхъ взволнованнаго царства. Въ 1613 г. совершилось лишь офицiальное прекращенiе «смутнаго времени». Но долго еще вышедшiй изъ береговъ потокъ народныхъ волненiй не могъ вернуться въ свое обычное русло. Вся первая половина XVII ст. наполнена отголосками «смуты», внезапными вспышками народныхъ страстей. Общество съ небы-

валой дотолѣ нервностью отзывалось на каждый шагъ правительственной власти, что еще больше осложняло и безъ того трудную задачу возстановленія расшатаннаго порядка.

Если новая династія справилась въ концѣ концовъ съ задачей возстановленія расшатаннаго порядка, и Россія XVII вѣка вышла изъ тяжелаго кризиса съ обновленными силами, то это всецѣло объясняется тѣмъ, что правительство Михаила и правительство Алексѣя широко воспользовались испытанными формами совмѣстнаго сотрудничества правительства и общества.

Предшествующей практикой были выработаны двѣ формы такого сотрудничества: подача царю мірскихъ челобитій и совѣщанія правительства съ земствомъ на земскихъ соборахъ. Мірскія челобитья являлись въ московскомъ государствѣ какъ въ XVI, такъ и XVII в., какъ до «смуты», такъ и послѣ нея, самымъ распространеннымъ и обычнымъ способомъ оглашенія общественныхъ нуждъ и желаній. Правомъ подачи такихъ челобитій пользовались всѣ классы общества до крѣпостныхъ крестьянъ включительно.

Ни порядокъ составленія мірскихъ челобитій, ни кругъ предметовъ, которыхъ эти челобитья могли касаться, не были стѣснены никакими ограничительными правилами. Челобитья подавались то отъ какой-нибудь одной посадской или крестьянской общины, то отъ цѣлой группы такихъ общинъ, объединенныхъ однимъ общимъ желаніемъ.

Отъ начала XVII в. до насъ дошло мірское челобитье царю, подписанное длинной вереницей городскихъ жителей различныхъ городовъ, разсѣянныхъ по самымъ разнообразнымъ уголкамъ московскаго царства. Это челобитье начинается словами: «Бьютъ челомъ царю и великому князю... торговые людишки казанцы, нижегородцы, ярославцы, костромичи, суздальцы, муромцы, вологжане, псковичи, устюжане, романовцы, галичане, угличане, бѣлозерцы, каргопольцы, колмогорцы и иныхъ многихъ твоихъ госу-

даревыхъ городовъ торговые людишки». Надо думать, что такія челобитныя, прежде чѣмъ ихъ отправляли въ Москву для подачи государю, совершали продолжительное путешествіе по московскому царству, будучи обсылаемы по городамъ для сбора подписей. Не всегда мірскія челобитья носили односословный характеръ. Мы имѣемъ немало указаній на челобитья, поданныя государю сообща «отъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ».

Содержаніе всѣхъ этихъ челобитій бывало весьма разнообразно. Съ одинаковой свободой авторы челобитій касались и мелкихъ мѣстныхъ нуждъ и общегосударственныхъ вопросовъ первостепенной важности. Какую важную роль сыграли мірскія челобитья въ государственной жизни старой Россіи, какъ много плодотворныхъ идей было выдвинуто впервые этой челобитной литературой, объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ исторія нашего законодательства. Напомнимъ, напримѣръ, что одна изъ самыхъ крупныхъ реформъ царствованія Ивана Грознаго, введеніе земскаго самоуправленія на мѣсто прежнихъ намѣстниковъ и волостелей,—была вызвана мірскими челобитьями. То же самое нужно сказать и относительно учрежденія такъ называемыхъ губныхъ старостъ. Въ XVII в. этимъ же путемъ были подготовлены такіе важные акты, какъ изданіе уставной таможенной грамоты 1654 г., новаго торговаго устава 1667 г. и, наконецъ, самаго Уложенія 1649 г.

Итакъ, посредствомъ мірскихъ челобитій земство ставило на очередь назрѣвшіе государственные вопросы и привлекало къ нимъ вниманіе правящихъ сферъ. Съ другой стороны и само правительство по своему побужденію вызывало иногда представителей общества на обсужденіе очередныхъ государственныхъ мѣропріятій. Въ этихъ случаяхъ правительство пользовалось другой формой участія общества въ жизни страны: земскимъ соборомъ. Мы не будемъ останавливаться на характеристикѣ этого учрежденія *).

---

*) См. В. Алексѣева: «Земскіе соборы древней Руси», изд. „Донской Рѣчи“.

Напомнимъ только, что первые опыты созыва земскихъ соборовъ относятся еще къ XVI ст.; затѣмъ тяжелая пора «смутнаго времени» выдвинула это учрежденіе на первый планъ, какъ надежную опору порядка въ эпоху всеобщаго смятенія. Среди политической бури земскій соборъ сослужилъ для государственнаго корабля роль спасительнаго якоря. Изъ событій «смуты» земскій соборъ вышелъ съ окрѣпшимъ авторитетомъ, съ обновленнымъ и расширеннымъ личнымъ составомъ. Вся первая половина XVII столѣтія была наполнена затѣмъ устроительной дѣятельностью земскаго собора.

Таковы были формы соучастія правительства и общества въ созидательной государственной работѣ, къ которымъ прибѣгло правительство новой династіи въ борьбѣ съ выпавшими на его долю тяжелыми обстоятельствами. Оно прислушивалось къ народнымъ челобитьямъ и само вызывало общество на поприще самодѣятельности, непрерывно созывая земскіе соборы.

Одновременное примѣненіе обоихъ этихъ средствъ помогло правительству осуществить и самое крупное предпріятіе вѣка—составленіе уложенія 1649 г. Изданіе Уложенія явилось завершеніемъ всей устроительной работы первой половины XVII ст.

Сводъ всего накопившагося законодательнаго матеріала былъ настоятельно необходимъ, какъ для государственныхъ цѣлей, такъ и для общественныхъ удобствъ. Только при помощи такого свода могла быть достигнута устойчивость и единообразіе въ дѣятельности правительственныхъ учрежденій. Только при помощи такого свода общество могло бы хотя до нѣкоторой степени разбираться въ своихъ правахъ и обязанностяхъ. И эта насущная очередная потребность возрождавшагося отъ смуты государства выяснена и выдвинута на первый планъ опять-таки въ мірскихъ челобитьяхъ. Мы имѣемъ офиціальную царскую грамоту, въ которой сказано, что царь приказалъ составить «уложенную книгу, чтобы впредь по той

уложенной книгѣ всякія дѣла дѣлать и вершить безъ всякаго переводу и безволокитно—*по челобитью* стольниковъ и стряпчихъ и дворянъ московскихъ и жильцовъ и дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ и иноземцевъ и гостей и гостинныя и суконныя и *всякихъ чиновъ* торговыхъ людей».

Но участіе общества въ исторіи составленія Уложенія не ограничилось поданіемъ первой мысли о необходимости изданія этого памятника. Исполненіе этой мысли было проведено также при самомъ широкомъ участіи общественныхъ силъ. Въ общихъ чертахъ внѣшняя исторія составленія Уложенія представляется въ слѣдующемъ видѣ. Подъ вліяніемъ упомянутыхъ выше мірскихъ челобитій, 16 іюля 1648 г. была образована комиссія изъ двухъ бояръ—кн. Одоевскаго и кн. Прозоровскаго, одного окольничаго—кн. Волконскаго и двухъ дьяковъ—Леонтьева и Грибоѣдова. Эта комиссія должна была подготовить выписки пристойныхъ къ государственнымъ дѣламъ правилъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ, а также законовъ греческихъ царей и собрать указы и боярскіе приговоры прежнихъ царствованій и справить ихъ со старыми судебниками. Далѣе комиссія должна была намѣтить и новыя законодательныя статьи по предметамъ, не затронутымъ въ прежнемъ законодательствѣ, но нуждающимся въ законодательныхъ опредѣленіяхъ. Одновременно съ образованіемъ этой комиссіи по московскому государству были разосланы грамоты о высылкѣ въ Москву выборныхъ людей отъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и посадскихъ людей каждаго города, «чтобы Его Государево Царственное и Земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставить». Выборные должны были прибыть въ Москву къ 1 сентября 1649 г. *). Къ 3 октября упомянутая выше комиссія закончила свои подготовительныя работы, и того же числа открылись засѣданія земскаго собора для

*) Напомнимъ читателю, что въ XVII ст. начало гражданскаго года считалось съ сентября, а не съ января.

«слушанія Уложенія». Занятія собора продолжились до 29 января 1649 г. Затѣмъ Уложеніе было «написано на списокъ» и скрѣплено подписями членовъ собора.

На подлинномъ «уложенномъ столбцѣ» сохранившемся до нашего времени, находятся подписи патріарха, 12 высшихъ духовныхъ лицъ, духовника государева, 15 бояръ, 10 окольничьихъ, 4 московскихъ сановниковъ, 5 московскихъ дворянъ, 118 городовыхъ дворянъ, 3 гостей, 12 выборныхъ отъ московскихъ сотенъ и слободъ, 89 выборныхъ отъ посадскихъ людей разныхъ городовъ и 15 выборныхъ отъ московскихъ стрѣльцовъ...

Долгое время въ исторической литературѣ господствовалъ тотъ взглядъ, что роль выборныхъ людей на соборѣ 1649 г. ограничивалась въ буквальномъ смыслѣ слова «слушаніемъ» Уложенія, составленнаго назначенной для того царемъ комиссіей, при чемъ историки не думали задаваться вопросомъ, почему для простого заслушанія готоваго текста Уложенія собору понадобилось цѣлыхъ пять мѣсяцевъ.

Послѣдующія разысканія развернули передъ нами совершенно иную картину. Оказывается, что выборные люди проявили при обсужденіи Уложенія самую кипучую дѣятельность. Въ теченіе всего собора они подавали разнообразныя «челобитья», легшія затѣмъ въ основу многихъ статей и даже цѣлыхъ главъ Уложенія. Инициатива земства выдвинула такимъ образомъ цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ, благодаря чему Уложеніе явилось не только сводомъ накопившагося ранѣе законодательнаго матеріала, но и довольно крупнымъ шагомъ впередъ въ законодательной разработкѣ общественныхъ отношеній. До сихъ поръ удалось опредѣлить на основаніи различныхъ признаковъ, что до 82 статей Уложенія были выработаны при активномъ участіи соборныхъ представителей, при чемъ 58 статей прямо были вызваны инициативой собора, а около 24 статей, если и не были предложены самими выборными людьми, то все же были обсуждены и окончательно формули-

рованы при участіи собора. Есть полное вѣроятіе, что дальнѣйшее изученіе откроетъ еще новые слѣды активной работы собора при составленіи Уложенія.

Посмотримъ же, къ какимъ обязательнымъ результатамъ привела эта работа, какой вкладъ внесенъ былъ въ законодательство XVII вѣка усиліями общественнаго представительства. Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы приходимъ къ наблюденію, которое намъ не разъ еще придется повторить при послѣдующемъ изложеніи. Общественное представительство выполнило двоякую функцію. Во-первыхъ, оно освѣтило существующее положеніе, выяснило и формулировало господствующіе интересы руководящихъ классовъ. Никакой ломки дѣйствовавшаго въ жизни порядка Уложеніе не произвело. Устами общественныхъ представителей былъ утвержденъ тотъ самый строй, который сложился къ половинѣ XVII столѣтія силою естественныхъ жизненныхъ условій. Крѣпостная организація общества, обязательное подчиненіе каждаго класса опредѣленному тяглу или опредѣленной службѣ—вотъ тѣ основы общественнаго порядка, которыя были свойственны переживавшемуся тогда московской Русью историческому моменту и которыя, какъ въ зеркалѣ, отразились въ Уложеніи. Общественные представители, создавшіе Уложеніе, не задумались признать и подтвердить всѣ тѣ падавшія на общество жертвы, которыя вызывались коренными потребностями государства. Конечно, это не помѣшало каждому общественному классу постоять и за свои сословныя права, позаботиться о томъ, чтобы сословныя повинности были уравновѣшены соотвѣтствующими сословными преимуществами. «Служилые люди», обязанные государству пожизненной ратной службой, позаботились о закрѣпленіи за своимъ сословіемъ владѣльческаго права на крестьянъ. Уложеніе закрѣпило крѣпостное право.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ мірскихъ челобитій служилыхъ людей въ Уложеніе была включена отмѣна ограничительныхъ сроковъ для отысканія помѣщиками

своихъ бѣглыхъ крестьянъ. Въ то же время посадскіе люди добились своими челобитьями предоставленія одному посадскому классу монопольныхъ правъ на торговлю и промыслы.

Общественное представительство всегда является органомъ выраженія господствующихъ понятій своего вѣка, и было бы одинаково большой ошибкой, какъ отыскивать въ заявленіяхъ общественныхъ представителей откровенія какой-то абсолютной мудрости, такъ и представлять себѣ общественное представительство какою-то по самой своей природѣ разрушительной силой. Народные представители 1649 г. принесли съ собою на соборъ и перенесли на составленный ими законодательный памятникъ тотъ самый духъ практическаго консерватизма, который составлялъ отличительную черту русскаго общества того времени.

Но на ряду съ этимъ соборные люди сослужили и другого рода службу при составленіи Уложенія. Помогая правительству уяснить существующее положеніе вещей, котораго они и не думали ломать, соборные люди указали и на тѣ новыя потребности, которыя уже были сознаны обществомъ, но еще не успѣли получить законодательной защиты. Всѣ эти новые вопросы, поднятые соборомъ и такъ или иначе разработанные въ Уложеніи, сводились въ сущности къ одной основной потребности: къ лучшему огражденію гражданскихъ правъ силою закона. Всѣ статьи Уложенія, вновь составленныя на соборѣ, полны животрепещущаго интереса съ этой именно точки зрѣнія. Эти статьи касаются—обезпеченія безсрочнаго и безволокитнаго суда по искамъ «въ обидныхъ дѣлахъ» на бояръ, окольничьихъ, стольниковъ и дворянъ московскихъ и на ихъ людей; ограниченія злоупотребленій приказныхъ людей: запрещенія имъ брать служилыя кабалы на людей, живущихъ въ районѣ управляемыхъ ими округовъ; установленія различныхъ правилъ, которыми могли бы предотвратить произволъ приставовъ, такъ называемыхъ «недѣльщиковъ»; установленія способовъ судебнаго представитель-

ства для лицъ, которыя не имѣютъ возможности лично отвѣчать на судѣ; опредѣленія положительныхъ правилъ для гражданскаго оборота помѣстій и вотчинъ и т. п.

Итакъ, огражденіе лица отъ административнаго произвола, упорядоченіе судебной защиты личныхъ и имущественныхъ правъ, установленіе правильнаго имущественнаго оборота, однимъ словомъ, внесеніе твердой законности въ гражданскія отношенія—вотъ тѣ новыя проблемы, на которыя указали русскіе земцы половины XVII ст., которыя отчасти были затронуты Уложеніемъ, и всестороннее развитіе которыхъ было завѣщано XVII-ымъ столѣтіемъ послѣдующимъ вѣкамъ русской исторіи *).

Народные представители 1649 г. не обманули ожиданій правительства. Они помогли правительству выполнить неотложную практическую задачу составленія Уложенія и въ то же время бросили въ гласный общественный оборотъ нѣсколько здоровыхъ и свѣтлыхъ идей, разработка которыхъ могла бы составить программу дальнѣйшей созидательной работы законодателя.

II.

Законодательныя работы при Екатеринѣ II.

Прошло болѣе ста лѣтъ со времени составленія Соборнаго Уложенія при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, когда Екатерина II двинула полнымъ ходомъ давно уже назрѣвавшее дѣло выработки новаго законодательнаго кодекса.

Пора было приниматься за это дѣло: побудительныхъ условій къ тому накопилось не мало. Сто лѣтъ

*) Не всѣ заявленія „мірскихъ челобитій" увѣнчивались успѣхомъ. Такъ, напр. во время собора 1649 г. было подано челобитье всѣхъ выборныхъ людей объ отобраніи въ казну земельныхъ владѣній монастырей и духовенства и о раздачѣ этихъ земель безпомѣстнымъ и маломѣстнымъ служилымъ людямъ. Царь ограничился запрещеніемъ монастырямъ и духовенству пріобрѣтать вотчины *вновь* покупкой или принятіемъ земель „на поминъ души". Вопросъ объ отобраніи прежнихъ вотчинъ былъ обойденъ молчаніемъ.

было прожито недаромъ. Россія успѣла во многомъ измѣниться и со стороны внѣшняго облика своего устройства и со стороны распорядка внутреннихъ жизненныхъ отношеній и интересовъ. Московское царство превратилось въ Петербургскую имперію. Изъ полуварварской страны, въ предѣлахъ которой западный европеецъ не чувствовалъ подъ своими ногами почвы Европы, Россія сдѣлалась признаннымъ членомъ въ семьѣ европейскихъ государствъ, и Екатерина II имѣла основаніе начать первую главу своего извѣстнаго «Наказа» словами: «Россія есть европейская держава».

Механизмъ управленія, распорядокъ общежитія, характеръ образованности—все это мало-по-малу отдалялось отъ прадѣдовскихъ завѣтовъ и принимало новыя формы, приближающіяся къ европейскимъ образцамъ. Пусть эти перемѣны не проникали вглубь народной жизни, пусть европейская полировка ложилась тонкой коркой поверхъ многовѣковой старины, которая еще сохраняла всю силу своей живучести. Но и поверхностныхъ, внѣшнихъ перемѣнъ въ строѣ управленія и формахъ общежитія было достаточно для того, чтобы старое Уложеніе уже перестало удовлетворять и утратило практическую пригодность. Однако этими внѣшними перемѣнами дѣло не ограничивалось. Внутри самой народной жизни безостановочно шла своя работа. Мѣнялась соціальная физіономія Россіи. Открывались новыя условія для развитія народнаго труда. Падало значеніе однихъ общественныхъ классовъ, поднималось значеніе другихъ. Все туже и туже затягивался узелъ крестьянской неволи. Крѣпостная зависимость владѣльческихъ крестьянъ перерабатывалась въ теченіе XVIII вѣка въ такія формы, которыя быстро приближали ее къ настоящему рабству. Одновременно съ этимъ служилое дворянство постепенно высвобождалось изъ-подъ лямки вѣчнообязанной службы государству и, отливая отъ столичныхъ центровъ въ провинціальную глушь своихъ усадебъ, формировалось тамъ въ мѣстный землевладѣльче-

скій классъ съ весьма обостреннымъ вкусомъ къ командующей роли въ сферѣ мѣстнаго управленія.

Наконецъ, къ серединѣ XVIII ст. понемногу начинаетъ поднимать голову и подавать свой голосъ въ борьбѣ общественныхъ интересовъ дотолѣ приниженный и захудалый классъ городскихъ торговцевъ и промышленниковъ—купцовъ и людей посадскихъ. Развитіе промышленной жизни дѣлаетъ къ серединѣ столѣтія замѣтные успѣхи. Растетъ внѣшній и внутренній торговый оборотъ Россіи, и русскій пейзажъ все чаще осложняется любопытной подробностью: высокими трубами фабрики. Въ связи съ торговопромышленными успѣхами Россіи начинаетъ копошиться новая жизнь за стѣнами русскаго города, и къ зрѣющему антагонизму между порабощеннымъ крестьянствомъ и землевладѣльческимъ дворянствомъ прибавляется новый соціальный антагонизмъ: между городомъ и селомъ.

Такъ, въ теченіе XVIII ст. все яснѣе и яснѣе очерчиваются классы, на которые разбивается общество, и все отчетливѣе опредѣляется противоположность классовыхъ интересовъ. Жизнь осложняется, и русло стараго законодательства оказывается уже слишкомъ узкимъ, чтобы вмѣстить волны новыхъ жизненныхъ отношеній.

Вотъ краткій очеркъ тѣхъ условій, которыя выдвигали на первый планъ въ ряду правительственныхъ заботъ задачу—составленія новаго государственнаго Уложенія. Эту важную задачу, надъ которой задумывались всѣ правительства XVIII ст., Екатерина II рѣшила выполнить при широкомъ участіи общественныхъ силъ.—14 декабря 1766 г. былъ изданъ указъ, повелѣвавшій прислать въ Москву къ 1767 г. избранныхъ депутатовъ отъ всѣхъ уѣздовъ и городовъ имперіи для участія въ «заготовленіи проекта новаго Уложенія». «Симъ учрежденіемъ, писала Екатерина, нашему народу опытъ даемъ нашего чистосердечія и великія довѣренности къ оному». 30 іюля 1767 г. собравшіеся въ Москву депутаты въ количествѣ около 500 человѣкъ представлялись императрицѣ, послѣ чего начались занятія комис-

сіи въ Грановитой палатѣ Московскаго Кремлевскаго дворца.

Нерѣдко высказывается мнѣніе, что созывъ депутатовъ для выработки государственнаго Уложенія представилъ собою нѣчто совершенно необычайное для Россіи XVIII в., что онъ явился всецѣло личной затѣей императрицы, и что эта затѣя не имѣла никакихъ прецедентовъ въ предшествующіе годы XVIII в. послѣ того, какъ съ прекращеніемъ земскихъ соборовъ старой Россіи традиція соборнаго представительства была совершенно утрачена. Въ этомъ мнѣніи заключаются двѣ ошибки. Во-первыхъ, съ исчезновеніемъ земскихъ соборовъ идея участія общественныхъ представителей въ дѣлахъ законодательства не погасала ни въ сознаніи общества, ни въ сознаніи правительства. Во-вторыхъ, предпріятіе Екатерины II имѣло и другіе, болѣе свѣжіе прецеденты, чѣмъ земскіе соборы московскаго періода. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ нѣкоторые факты. Въ теченіе всего XVIII вѣка на страницахъ различныхъ публицистическихъ трактатовъ и политическихъ проектовъ встрѣчаемъ постоянно возвращающуюся въ различныхъ формахъ мысль о необходимости «народосовѣтія» въ дѣлахъ законодательства. Въ 20-хъ годахъ XVIII вѣка крестьянинъ Иванъ Посошковъ пишетъ въ своемъ трактатѣ. «О скудости и богатствѣ»: къ составленію новаго уложенія слѣдуетъ избрать по нѣскольку человѣкъ отъ каждаго сословія до крестьянства включительно «и написавъ точно новосочиненные пункты всѣмъ народомъ освидѣтельствовать самымъ вольнымъ голосомъ, а не по принужденію и... предложить Его Императорскому Величеству, да разсмотритъ его умная острота». Далѣе крестьянинъ-публицистъ прибавляетъ: «сіе мое реченіе многіе вознепщуютъ, яко бы азъ Его Императорскаго Величества самодержавную власть народосовѣтіемъ снижаю; азъ же не снижаю Его Величества самодержавія, но ради самыя истинныя правды... надлежитъ ту книгу вольнымъ голосомъ освидѣтельствовать, дабы всякая статья ни отъ кого порочена не была, но всякъ бы себя выстерегъ и чтобы впредь никому

спорить было не можно... Безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоими дѣлы невозможно, понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, комуждо по силѣ его: овому далъ много, овому жъ менѣе. Обаче нѣсть такого человѣка, ему же бы не далъ Богъ ничего». Такъ писалъ крестьянинъ-публицистъ, современникъ Петра I. Черезъ шесть лѣтъ послѣ написанія этого трактата, передъ воцареніемъ Анны Іоанновны въ политическихъ планахъ кн. Дмитрія Голицына и въ многочисленныхъ проектахъ государственныхъ реформъ, составленныхъ различными дворянскими кружками, мысль о «народосовѣтіи» занимала первенствующее мѣсто. Наконецъ, отъ начала и середины XVIII ст. передвинемся къ самому концу его. Развертываемъ политическую утопію кн. М. М. Щербатова,—извѣстнаго историка и публициста Екатерининской эпохи. Начертывая картину идеальнаго государственнаго устройства будущей Россіи, кн. Щербатовъ включаетъ въ составъ высшихъ государственныхъ установленій три учрежденія выборнаго состава: 1) верховный совѣтъ, 2) вышнее правительство и 3) законодательную комиссію. Членами этихъ учрежденій, вѣдающихъ законодательство и высшее управленіе, должны быть, по мысли кн. Щербатова, выборные депутаты отъ дворянства и купечества. Для нѣкоторыхъ случаевъ Щербатовъ предлагаетъ еще болѣе расширить рамки общественнаго участія въ государственной жизни. Новые законопроекты, согласно плану Щербатова, вырабатываются въ законодательной комиссіи и представляются на утвержденіе вышняго правительства. Если вышнее правительство четыре раза отвергнетъ одинъ и тотъ же законопроектъ, въ такомъ случаѣ послѣдній «баллотируется во всѣхъ губерніяхъ», причемъ исходъ голосованія окончательно рѣшаетъ судьбу предложеннаго закона *). Приведенные примѣры въ доста-

*) См. мою статью „Русская утопія XVIII ст.“ въ сборникѣ „Помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая“. СПБ. 1901 г.

точной степени доказываютъ, съ какой послѣдовательностью русская политическая мысль и въ началѣ, и въ срединѣ, и въ концѣ XVIII вѣка возвращалась къ идеѣ «народосовѣтія» въ дѣлахъ законодательства. Не умножая этихъ примѣровъ,—хотя количество ихъ можно было бы и еще увеличить,—напомнимъ читателю, что мысль о народосовѣтіи не была чужда не только публицистической литературѣ, но и самой правительственной практикѣ XVIII в. еще до начала царствованія Екатерины II. Такъ, напр., когда Петръ I, преобразовывая городское управленіе въ 20-хъ годахъ XVIII в., готовился къ учрежденію въ городахъ «магистратовъ» выборнаго состава, то для выработки инструкціи этимъ магистратамъ въ Москвѣ былъ созванъ всероссійскій съѣздъ выборныхъ представителей посадскаго населенія по одному отъ каждаго посада. На этомъ съѣздѣ и была обсуждена названная инструкція. Еще болѣе разительные примѣры можно привести отъ времени Елизаветинскаго царствованія. Въ 1754 г. была образована комиссія изъ назначенныхъ императрицею должностныхъ лицъ для той самой цѣли, которую преслѣдовала и Екатерина II въ 1767 г., т. е. для составленія проекта новаго Уложенія. Проработавъ семь лѣтъ, эта комиссія пришла къ заключенію, что для успѣшнаго выполненія возложенной на нее задачи необходимо обратиться къ содѣйствію выборныхъ общественныхъ представителей «по примѣру прежде сочиненнаго въ 1649 году Уложенія». Согласившись съ этимъ мнѣніемъ комиссіи, сенатъ въ сентябрѣ 1761 г. предписалъ—выбрать къ тому дѣлу по два человѣка отъ дворянъ и по одному человѣку отъ купцовъ каждой провинціи. «Сочиненіе Уложенія, говорилось въ этомъ указѣ сената, для управленія *всего* государства весьма нужно, слѣдственно *всего общества и трудъ въ совѣтахъ быть къ тому потребенъ*, и потому всякаго сына отечества долгъ есть совѣтомъ и дѣломъ въ томъ помогать...» Депутаты съѣхались въ столицу уже къ началу царствованія Екатерины II и проработали вплоть до

1766 г., составивъ три части проекта государственнаго Уложенія. Но проектъ этотъ не получилъ дальнѣйшаго движенія, такъ какъ въ мысляхъ Екатерины уже народился планъ созванія новой комиссіи, задуманной на болѣе широкихъ основаніяхъ.

Итакъ, нѣтъ ничего ошибочнѣе того распространеннаго взгляда, что Екатерина вычитала мысль о созваніи депутатовъ изъ либеральныхъ иностранныхъ книжекъ и подарила этой мыслью современную ей Россію, какъ какой-то неслыханной новинкой. Когда Екатерина вступала на россійскій престолъ, въ Петербургѣ уже работало собраніе депутатовъ, созванное еще Елизаветой, по примѣру царя Алексѣя Михайловича. Издавая манифестъ въ декабрѣ 1766 г. о созваніи въ Москвѣ новой комиссіи изъ выборныхъ представителей общества, Екатерина не вводила никакого новшества, а только подхватывала конецъ той нити, которая дотянулась до нея чрезъ весь XVIII вѣкъ отъ временъ послѣднихъ Рюриковичей и первыхъ Романовыхъ.

Что же представила собой Екатерининская комиссія 1767 г.? Всѣ сословія, кромѣ духовенства и крѣпостного крестьянства, прислали въ эту комиссію своихъ представителей.

Уѣздное дворянство присылало по одному депутату отъ каждаго уѣзда; каждый городъ въ полномъ составѣ своихъ жителей безъ различія сословій присылалъ одного депутата. Черносошные крестьяне, свободные отъ крѣпостной зависимости, присылали по одному депутату отъ каждой провинціи. По провинціямъ же выбирались представители отъ пахотныхъ солдатъ, однодворцевъ и кочующихъ инородцевъ. Казацкіе войска и войско запорожское имѣли отдѣльныхъ депутатовъ. Кромѣ того, всѣ высшія государственныя учрежденія—сенатъ, синодъ, коллегіи должны были прислать по одному представителю.

Каждый депутатъ долженъ былъ привезти съ собой «наказъ», или инструкцію отъ своихъ избирателей. Въ

этихъ наказахъ провинціальное общество изложило недочеты и тягости своей жизни и выразило свои пожеланія и нужды.

Производство депутатскихъ выборовъ и составленіе депутатскихъ наказовъ привело въ большое движеніе провинціальное общество. Конечно, дѣло не обошлось ни безъ курьезовъ, ни безъ злоупотребленій всякаго рода. Кое-гдѣ населеніе обнаружило полное непониманіе предстоявшей ему задачи: въ депутатскихъ наказахъ можно встрѣтить весьма выразительныя указанія на это. Напр., жители города Дмитрова составили наказъ всего изъ двухъ статей: въ первой статьѣ удостовѣрялось, что дмитровскіе граждане не имѣютъ никакихъ общественныхъ нуждъ, а вторая заключала въ себѣ предписаніе депутату явиться съ этимъ удостовѣреніемъ въ сенатъ. Подъ этимъ лаконическимъ наказомъ было выставлено 224 подписи. Еще чаще удовлетворительное выполненіе подготовительныхъ къ комиссіи работъ встрѣчало препятствіе не въ индифферентизмѣ общества, а въ произвольныхъ дѣйствіяхъ мѣстной администраціи. Извѣстна, напримѣръ, тяжелая борьба, разыгравшаяся между нѣжинскимъ дворянствомъ и малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Генералъ-губернаторъ кассировалъ выборъ депутата и требовалъ существенныхъ измѣненій въ составленномъ дворянами наказѣ—и на головы нѣжинскихъ дворянъ, отстаивавшихъ своего депутата и свой текстъ наказа, пали суровыя административныя кары. Однако, подобныя темныя пятна не заполняли всего фона знаменательной картины. Въ общемъ, населеніе откликнулось на призывъ Екатерининскаго манифеста съ готовностью серьезно поработать въ комиссіи и съ сознаніемъ важности предпринятаго дѣла. На ряду съ наказами, подобными дмитровскому, до насъ дошли и другіе наказы, въ высшей степени тщательно разработанные, представляющіе собою цѣлые трактаты съ систематическимъ раздѣленіемъ на главы и параграфы. Въ этихъ наказахъ мы не найдемъ, правда, какихъ-нибудь

отвлеченныхъ разсужденій по государственнымъ вопросамъ, зато мы найдемъ въ нихъ дѣловитое и подробное описаніе реальныхъ условій мѣстной жизни со всѣми ея настроеніями и наболѣвшими нуждами. Составляя такіе наказы, провинціальныя общества въ большинствѣ случаевъ весьма внимательно относились и къ выбору депутатовъ. Обнаруживавшіяся кое-гдѣ попытки мѣстной администраціи оказать давленіе на депутатскіе выборы встрѣчали дѣятельный отпоръ со стороны избирателей, и этотъ отпоръ не всегда оставался безуспѣшнымъ. Если нѣжинскіе дворяне должны были въ концѣ концовъ сложить оружіе передъ всесильнымъ генералъ-губернаторомъ, то намъ извѣстенъ и обратный примѣръ: я разумѣю длинную и сложную борьбу, разыгравшуюся на такой же почвѣ между гражданами города Гороховца и мѣстнымъ воеводой,—борьбу доходившую до сената и кончившуюся побѣдой городскихъ избирателей. Все это показываетъ, что облеченіе того или иного лица депутатскимъ полномочіемъ не было безразлично для мѣстныхъ обществъ, не сводилось къ простой формальности. Нерѣдко высказывается мысль, что Екатерининская Россія взглянула на правительственный призывъ къ участію въ комиссіи, какъ на новое обязательное бремя, и старалась лишь объ одномъ, какъ бы удачнѣе схорониться отъ новой тяготы подобно тому, какъ она ранѣе хоронилась всякими средствами отъ смотровъ, походовъ, обязательныхъ экзаменовъ и податныхъ взносовъ. Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ? Вотъ передъ нами энергическія донесенія гжатскихъ купцовъ съ просьбами о томъ, чтобы имъ было дозволено выбрать своего особаго депутата и составить свой особый наказъ независимо отъ купцовъ мѣстнаго уѣзднаго города. Гжатскъ не имѣлъ тогда своего уѣзда, почему и гжатскій посадъ не долженъ былъ выбирать отдѣльнаго депутата въ комиссію. Казалось бы, чего спокойнѣе и удобнѣе съ точки зрѣнія изложеннаго выше взгляда. Но, нѣтъ, гжатскіе купцы не только не радуются тому, что ихъ миновала «повинность» избранія де-

путата, но, наоборотъ, настойчиво требуютъ для себя права на эту «повинность».—Вотъ передъ нами дѣло о выборѣ скопинскаго городского депутата. Скопинъ на ряду съ другими городами прислалъ въ столицу своего депутата. Послѣднiй не былъ утвержденъ на томъ основанiи, что «Скопинъ не городъ, но волость и состоитъ въ вѣдомствѣ дворцовой конюшенной канцелярiи». Скопинское купечество обжаловало это рѣшенiе въ сенатъ, написавъ въ своей жалобѣ, что лишенiе ихъ права имѣть въ комиссiи своего представителя они «признаютъ себѣ за великую тщету», а въ посылкѣ въ комиссiю депутата видятъ способъ «избавиться отъ несносныхъ и тяжкихъ притѣсненiй и разоренiй». До насъ дошла отъ XVIII вѣка хроника городской жизни Архангельска, составленная архангелогородскимъ гражданиномъ того времени, Крестининымъ. Хроникеръ не поскупился на мрачныя краски, изображая нестроенiя родного города. Его отнюдь нельзя заподозрить въ идеализацiи дѣйствительности. Откровенно описываетъ онъ, какъ произвольныя злоупотребленiя должностныхъ лицъ, такъ и проявленiя низкопоклонства, угодливости и равнодушiя къ общественнымъ интересамъ со стороны своихъ согражданъ. И вотъ, этотъ безпристрастный лѣтописецъ сообщаетъ о выборѣ депутата въ комиссiю 1767 г., какъ объ особенно торжественномъ моментѣ въ жизни своего города. Горожане отнеслись со всею серьезностью къ предстоящему имъ акту: въ депутаты былъ избранъ знатный и благоразумный купецъ, а составленiе наказа было поручено наиболѣе образованному «гражданину», «лучшему нынѣшняго времени писцу въ прозѣ и стихахъ», при чемъ въ его работахъ приняли участiе «всѣ лучшiе граждане»... Мы могли бы удлинить списокъ подобныхъ примѣровъ. Но довольно и приведенныхъ, чтобы сказать, не боясь упрека въ голословности, что указъ 14 декабря 1766 г. палъ въ общемъ на подготовленную почву.

Къ 30 iюля 1767 г. комиссiя могла уже открыть свои засѣданiя. Вся первая половина августа ушла на выборы

должностныхъ лицъ комиссiи и членовъ различныхъ частныхъ комиссiй, которыя должны были вести подготовительныя работы, затѣмъ на чтенiе «Наказа», составленнаго для комиссiи императрицей. Только въ срединѣ августа депутаты приступили къ той законодательной работѣ, для которой они были созваны. 18 декабря 1767 г. комиссiя была переведена изъ Москвы въ Петербургъ, а 18 декабря 1768 г. она была распущена въ самомъ разгарѣ своихъ работъ, далеко еще не закончивъ программы своей дѣятельности. Внѣшнимъ поводомъ къ распущенiю комиссiи послужило начало войны съ Турцiей, потребовавшее удаленiя многихъ депутатовъ на театръ военныхъ дѣйствiй. Итакъ, въ общемъ комиссiя проработала безъ малаго полтора года.

Чѣмъ же она занималась за это время? Первыя 14 дѣловыхъ засѣданiй были посвящены чтенiю наказовъ отъ черносошныхъ крестьянъ и пахотныхъ солдатъ. По мѣрѣ чтенiя возбуждались пренiя по поводу затронутыхъ въ наказахъ вопросовъ.

Разборъ крестьянскихъ и солдатскихъ наказовъ далеко еще не былъ законченъ, когда комиссiи было предложено перейти къ разсмотрѣнiю постановленiй «о правахъ благородныхъ», т. е. о дворянствѣ. На этотъ разъ начали уже не съ чтенiя наказовъ, привезенныхъ дворянскими депутатами, а съ чтенiя прежнихъ законовъ о дворянствѣ. Это чтенiе сопровождалось еще болѣе горячими пренiями. Центральное мѣсто въ этихъ пренiяхъ занялъ вопросъ о порядкѣ прiобрѣтенiя дворянскаго званiя. Сторонники кастовой замкнутости дворянскаго сословiя помѣрились съ защитниками петровской табели о рангахъ, которая, какъ извѣстно, открывала для всѣхъ свободный доступъ въ ряды дворянства путемъ полученiя соотвѣтствующаго чина. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда дебаты по этому вопросу достигли наибольшаго напряженiя, маршалъ, неизвѣстно почему, объявилъ, что обсужденiе «правъ благородныхъ» заканчивается и на очередь ставится чтенiе и

обсужденіе законовъ о купечествѣ. И при этомъ обсужденіи депутаты не остались въ роли пассивныхъ слушателей.

Снова возгорѣлись энергичныя пренія, длившіяся въ теченіе 33-хъ засѣданій. Здѣсь, главнымъ образомъ, выступило на сцену столкновеніе интересовъ города и села. Городское купечество отстаивало свои права на монополизацію торговли и заводско-фабричной промышленности. Представители дворянства и крестьянства доказывали необходимость полной свободы торговопромышленной дѣятельности для всѣхъ классовъ населенія. И эти пренія также неожиданно были прерваны маршаломъ комиссіи. Послѣдній періодъ дѣятельности комиссіи былъ занятъ разсмотрѣніемъ «законовъ о юстиціи».

Проектъ государственнаго Уложенія не былъ составленъ комиссіей, но это не значитъ, что ея работы не дали никакихъ результатовъ. Сама Екатерина такъ охарактеризовала значеніе комиссіи: «Комиссія Уложенія... подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о чемъ пещись должно. Она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы турецкая война не началась».

Послѣдующіе памятники Екатерининскаго законодательства свидѣтельствуютъ о томъ, что приведенныя слова не были въ устахъ императрицы простымъ комплиментомъ.

Если въ 70 и 80 годахъ, въ періодъ выработки «Учрежденія о губерніяхъ» и жалованныхъ грамотъ дворянству и городамъ, Екатерина уже не прибѣгала къ созванію депутатовъ, если она и руководствовалась при этихъ работахъ не тѣми авторитетами и образцами, которые служили для нея политическимъ компасомъ въ началѣ царствованія,—то все же никакъ нельзя отрицать сильнаго вліянія на законодательную дѣятельность Екатерины всего того, что она услышала отъ депутатовъ и прочла въ депутатскихъ наказахъ въ 1767 г. Это вліяніе сказывается въ общемъ духѣ Екатерининскаго законодательства

и во многихъ отдѣльныхъ основныхъ идеяхъ ея законодательныхъ актовъ.

Къ чему же сводились итоги всѣхъ заявленій, сдѣланныхъ въ депутатскихъ наказахъ и дебатахъ? О чемъ говорилъ голосъ земли въ 1767 году? Здѣсь мы можемъ повторить то же самое, что уже пришлось высказать въ своемъ мѣстѣ по поводу Соборнаго Уложенія 1649 года. Представители земства сдѣлали два дѣла. Во-первыхъ, они освѣтили современное положеніе и выразили господствующія стремленія эпохи. Во-вторыхъ, они выдѣлили изъ своей среды нѣкоторые голоса, впервые подымавшіе новые вопросы, которые уже вызрѣвали въ жизненной практикѣ, но еще не успѣли войти въ оборотъ общественнаго сознанія. Комиссія явилась въ одно и то же время и зеркаломъ, отразившимъ дѣйствительность, и яркимъ рефлекторомъ, бросившимъ первый просвѣтъ въ туманную даль будущаго. При посредствѣ комиссіи одновременно прозвучали — и властный голосъ большинства, увѣреннаго въ удовлетвореніи своихъ притязаній, и менѣе увѣренный, но не менѣе знаменательный голосъ меньшинства, которое напоминало о новыхъ задачахъ и призывало общественное вниманіе къ ихъ разрѣшенію.

Въ XVIII вѣкѣ Россія переживала періодъ обособленія сословныхъ интересовъ. Вполнѣ естественно, что въ заявленіяхъ, раздававшихся въ комиссіи 1767 г., преобладалъ духъ сословной исключительности. Дворянство обнаружило желаніе замкнуться въ неприступную касту и запереть доступъ въ свои ряды свѣжимъ стороннимъ элементамъ. Оно требовало для себя исключительнаго права на владѣніе крѣпостными крестьянами, требовало расширенія своихъ землевладѣльческихъ правъ и рѣзкаго отличенія отъ «подлыхъ» людей во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ внѣшними знаками почета. Купечество желало замуровать въ городскихъ стѣнахъ все торговое и промышленное движеніе путемъ принудительныхъ предписаній и карательныхъ мѣропріятій. Всѣ эти проявленія сословна-

го эгоизма, узкаго и близорукаго, были естественнымъ отголоскомъ господствующаго склада жизненныхъ отношеній того времени, и общественное представительство неизбѣжно должно было заплатить этому духу времени щедрую дань. Но узко-сословными притязаніями не ограничились заявленія общественныхъ представителей.—Имъ, людямъ житейской практики, слишкомъ была близка и знакома картина многочисленныхъ мѣстныхъ нуждъ, которыя одинаково затрогивали интересы всей совокупности населенія. И они начертили эту картину въ своихъ наказахъ и дебатахъ яркими красками. Они показали, какъ нуждалась русская провинція того времени въ самыхъ элементарныхъ основаніяхъ благоустроенности,—какъ поверхностенъ былъ тотъ налетъ цивилизаціи, который сталъ проникать къ намъ съ начала XVIII вѣка чрезъ окно, прорубленное въ Европу, и какъ далеко отстала провинціальная Русь отъ столичнаго прогресса. Государство не обезпечивало населенію услугъ суда и администраціи. Многіе населенные пункты были отброшены на сотни верстъ отъ ближайшаго судебнаго или административнаго центра. И вотъ общество устами своихъ представителей проситъ приблизить судъ и администрацію къ населенію и удешевить пользованіе тѣмъ и другимъ.

Децентрализированіе управленія—вотъ насущная потребность, освѣщенная комиссіей и принятая во вниманіе послѣдующимъ Екатерининскимъ законодательствомъ. Жители провинціи стремятся къ тому, чтобы имъ не нужно было ѣздить въ отдаленные губернскіе центры для совершенія разныхъ гражданскихъ сдѣлокъ или разбора тяжбъ; чтобы вотчинный архивъ, въ которомъ приходилось наводить справки по земельнымъ дѣламъ, сосредоточенный въ Москвѣ, былъ раскассированъ по провинціальнымъ городамъ; чтобы можно было у себя поблизости безъ дальнихъ дорогихъ поѣздокъ пользоваться и школой, и больницей, и банкомъ. Выставляя всѣ эти требованія, представители земства справедливо указывали на то, что

государство не въ силахъ будетъ справиться со столь сложной задачей чисто бюрократическими средствами. Введеніе общественнаго самоуправленія, какъ единственно возможный путь къ усовершенствованію провинціальной жизни, — вотъ вторая насущная очередная задача, ярко освѣщенная комиссіей 1767 г.—«Учрежденіе о губерніяхъ» 1775 года и явилось со стороны Екатерины попыткой разрѣшенія именно этой задачи, посильнымъ отвѣтомъ на запросъ, выдвинутый комиссіей.—«Учрежденіе о губерніяхъ» 1775 г. какъ разъ децентрализировало управленіе и вводило выборные общественные элементы въ составъ провинціальныхъ судебно-административныхъ установленій.

Правда, согласно господствующему направленію вѣка, всѣ только что перечисленные запросы окрашивались въ устахъ депутатовъ цвѣтомъ сословныхъ притязаній.—Общественное самоуправленіе понималось авторами дворянскихъ наказовъ и дворянскими депутатами исключительно, какъ сословно-дворянское самоуправленіе; а городское купечество и всѣ другіе общественные разряды, по закону, не владѣвшіе крѣпостными людьми, соединяли съ требованіями различныхъ усовершенствованій народной жизни обостренный вкусъ къ рабовладѣнію. По выраженію Соловьева, депутаты всѣхъ сословій, представленныхъ въ комиссіи, объединились въ «дружномъ и страшно-печальномъ крикѣ: *рабовъ!*» Но и въ этомъ отношеніи общественное представительство осуществило свою обычную двойственную функцію. Подведя итогъ общераспространеннымъ взглядамъ вѣка, оно дало возможность выразиться и болѣе передовымъ запросамъ, освѣщавшимъ задачи будущаго. Меньшинствомъ членовъ комиссіи впервые гласно и опредѣленно былъ поставленъ вопросъ о необходимости реформировать крѣпостной строй крестьянской жизни.

Постановка этого вопроса въ преніяхъ депутатовъ приняла слѣдующую любопытную форму. Сторонники смягченія суровости крѣпостного права выступили въ комиссіи съ очень скромными въ сущности предложеніями. Они

указывали на необходимость обезпечить для крѣпостныхъ крестьянъ право собственности и точно опредѣлить размѣры крѣпостныхъ оброковъ и барщинныхъ повинностей. При этомъ усердно подчеркивалось, что самый принципъ крѣпостного права не подвергается осужденію, и что всѣ стремленія меньшинства комиссіи ограничиваются желаніемъ законодательнаго урегулированія помѣщичьяго произвола. Эти заявленія вызвали цѣлую бурю возраженій со стороны послѣдовательныхъ крѣпостниковъ. И вотъ что любопытно: крѣпостники въ своихъ возраженіяхъ убѣдительно проводили ту мысль, что частичныя улучшенія крестьянской доли въ родѣ урегулированія повинностей или узаконеній о крестьянской собственности явятся совершенно неосуществимыми, пока останется въ силѣ само крѣпостное право на крестьянъ. Крѣпостники проводили эту вѣрную мысль въ качествѣ довода противъ предложенныхъ частичныхъ измѣненій въ порядкахъ крестьянской жизни, не замѣчая того, что въ этой мысли заключался въ то же время и доводъ въ пользу полной отмѣны крѣпостного права, устранявшаго возможность какихъ бы то ни было улучшеній въ положеніи крестьянства. Такимъ образомъ, если либеральное меньшинство осторожно затронуло кое-какія частности крѣпостного уклада, то крѣпостническое большинство, само того не замѣчая, выдвинуло еще болѣе радикальное положеніе: крѣпостное право не поддается частичному смягченію. Крѣпостники дѣлали отсюда тотъ выводъ, что крѣпостное право должно быть всецѣло сохранено; но столь же логично можно было вывести изъ того же положенія, что крѣпостное право должно быть всецѣло упразднено.

Какъ бы то ни было, комиссія отмѣтила въ концѣ концовъ основной вопросъ тогдашней общественности,— вопросъ о томъ, какъ быть съ крѣпостнымъ правомъ. Съ тѣхъ поръ этотъ вопросъ уже не сходилъ съ очереди вплоть до своего окончательнаго разрѣшенія, столѣтіе спустя, опять-таки при дѣятельномъ участіи представителей земли.

III.

60-е годы XIX ст.

Мысль о необходимости реформы крѣпостныхъ отношеній, уже въ концѣ XVIII ст. прорвавшаяся наружу сквозь толщу крѣпостническихъ вожделѣній и предразсудковъ, становится затѣмъ главной пружиной проебразовательныхъ попытокъ въ теченіе всей первой половины XIX столѣтія. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ очевиднѣе становилось, какъ для мыслящей части общества, такъ и для самого правительства, что вопросъ о крѣпостномъ правѣ уже не можетъ быть снятъ съ очереди, что впредь до его окончательнаго разрѣшенія немыслимы никакія поступательные шаги во внутреннемъ преуспѣяніи Россіи, что, наконецъ, отсрочка разрѣшенія этого вопроса грозитъ государственной катастрофой.

И вотъ, въ теченіе цѣлаго полстолѣтія работа мысли лучшихъ сыновъ родины сосредоточивалась на одной мучительной проблемѣ: какъ быть съ крѣпостнымъ правомъ?

Исторія разрѣшенія этой проблемы, какъ нельзя лучше, освѣщаетъ основную идею настоящихъ очерковъ. 50 лѣтъ подъ рядъ проработали надъ крѣпостнымъ вопросомъ бюрократическія лабораторіи. Были исписаны горы бумаги, была составлена безконечная вереница всевозможныхъ проектовъ, вопросъ былъ перевернутъ на всѣ лады, и единственнымъ практическимъ выводомъ изъ этихъ многообразныхъ усилій получился извѣстный афоризмъ, высказанный въ 1842 г.: крѣпостное правое есть несомнѣнное зло, но затронуть его было бы зломъ еще болѣе опаснымъ.

Прошло около 20 лѣтъ послѣ провозглашенія этого афоризма, и мучительная проблема была разрѣшена мирно

и спокойно, безъ всякихъ ужасовъ, которыхъ такъ долго опасались. Секретъ этого успѣха заключается единственно въ томъ, что законодатель, слѣдуя древнимъ историческимъ примѣрамъ, вновь обратился къ содѣйствію земли и, какъ Антей, получилъ отъ ней силы для новаго подвига. Участіе общества въ выработкѣ великой реформы 1861 года выразилось: 1) въ учрежденіи губернскихъ комитетовъ, которымъ было поручено составить первоначальные проекты преобразованія, и 2) въ обсужденіи связанныхъ съ реформою вопросовъ на страницахъ повременной печати, которой, правда не на долго, было разрѣшено свободно высказываться по крестьянскому дѣлу.—И тамъ и здѣсь, и въ комитетахъ и въ прессѣ мнѣнія естественнымъ образомъ раздѣлились, возгорѣлась борьба противоположныхъ партій, принимавшая порою страстно-возбужденный характеръ. Въ нѣкоторыхъ комитетахъ отношенія между представителями крѣпостническаго большинства и либеральнаго меньшинства обострились до того, что наиболѣе виднымъ руководителямъ партій приходилось подумывать даже о вооруженной самооборонѣ: членъ самарскаго комитета Юрій Самаринъ, одинъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей губернскихъ комитетовъ, выходилъ изъ дому не иначе, какъ съ револьверомъ въ карманѣ и долженъ былъ окружить себя тѣлохранителями изъ своихъ дворовыхъ. Но вся эта страстная борьба не погубила дѣла реформы. Напротивъ, изъ столкновенія свободно выражаемыхъ мнѣній, какъ всегда, засверкала истина. Правда, многіе комитетскіе проекты, въ особенности костромской, петербургскій, а также проекты большинства московскаго и симбирскаго комитетовъ,—оказались проникнутыми духомъ крѣпостническихъ вожделѣній. Но на ряду съ крѣпостническимъ большинствомъ получило возможность высказаться и либеральное меньшинство, голоса котораго въ соединеніи съ голосомъ передовой публицистики дали надежную точку опоры для разрѣшенія дѣла реформы на болѣе широкихъ началахъ.

Заслуги этихъ истинныхъ представителей интересовъ родины въ памятную эпоху 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія были двояки. Во-первыхъ, они раздвинули первоначальныя рамки *крестьянской* реформы, освѣтивъ многія стороны подготовляемаго преобразованія, ранѣе остававшіяся въ туманѣ; во-вторыхъ—они развернули программу *дальнѣйшихъ* необходимыхъ реформъ, логически связанныхъ съ реформою крестьянской. Я вкратцѣ обозначу теперь сущность этихъ заслугъ и въ томъ и въ другомъ отношеніи.

Какъ извѣстно, къ реформѣ 1861 г. было приступлено безъ заранѣе составленнаго опредѣленнаго плана, самыя основныя идеи преобразованія выяснились мало-помалу, по мѣрѣ развитія подготовительныхъ работъ, и въ процессѣ этого выясненія первенствующая роль какъ разъ и выпала на долю представителей общественнаго мнѣнія въ комитетахъ и журналистикѣ.

Для опредѣленія размѣровъ этой роли припомнимъ, къ чему сводилась программа преобразованія, намѣтившаяся *до* созванія губернскихъ комитетовъ. Разработка крестьянскаго вопроса въ секретныхъ и секретнѣйшихъ комитетахъ Николаевскаго царствованія породила лишь одинъ сколько-нибудь осязательный плодъ: указъ 2 апрѣля 1842 г. объ «обязанныхъ крестьянахъ» — дѣтище Киселева. Сущность этого указа сводилась къ слѣдующему: помѣщики, *если того они пожелаютъ,* могутъ давать свободу цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ на такихъ основаніяхъ: крестьяне получаютъ личную свободу, помѣщикъ сохраняетъ право собственности на всю землю, но съ обязательствомъ выдѣлить крестьянамъ въ постоянное пользованіе опредѣленный надѣлъ. Свободные лично, крестьяне не могутъ сойти съ этого надѣла такъ же, какъ и помѣщикъ не можетъ ихъ съ этого надѣла согнать. За пользованіе обязательнымъ надѣломъ крестьяне отбываютъ на помѣщика повинности и платежи, размѣры которыхъ опредѣляются по свободному договору между ними и помѣщи-

комъ. Итакъ, вотъ тѣ принципы, отъ которыхъ могло отправляться правительство Александра II, приступая къ дальнѣйшему развитію реформъ:

1) безвозмездная отмѣна *личной* крѣпостной зависимости крестьянъ, 2) неприкосновенность права собственности помѣщика на всю землю, 3) установленіе неразрывной связи освобожденнаго крестьянина съ землей въ формѣ обязаннаго пользованія надѣломъ, 4) предоставленіе реформы прежняго порядка собственной иниціативѣ, доброй волѣ помѣщиковъ.

Приступивъ къ реформѣ, правительство Александра II вплоть до открытія дѣятельности губернскихъ комитетовъ держалось въ своихъ планахъ весьма близко къ программѣ, начертанной указомъ 1842 г. Лишь съ большимъ трудомъ къ Кисилевской программѣ были прибавлены два новыхъ пункта: 1) сообщеніе реформѣ общепринудительнаго характера (всѣ прежнія указы по крестьянскому вопросу—и указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и указъ объ обязанныхъ крестьянахъ не вводили никакихъ общепринудительныхъ предписаній и имѣли силу лишь по отношенію къ отдѣльнымъ случаямъ отпуска крестьянъ на волю) и 2) допущеніе выкупа крестьянами въ собственность *усадьбъ*, но не земельныхъ надѣловъ. И эти два шага дались цѣною большихъ усилій. Почти черезъ годъ послѣ извѣстной рѣчи Императора Александра II московскому дворянству о необходимости приступить къ крестьянской реформѣ *сверху*, въ январѣ 1857 г. былъ учрежденъ *секретный комитетъ* по крестьянскому вопросу, и съ этого момента вплоть до открытія губернскихъ комитетовъ разработка реформы сосредоточивалась 1) въ секретномъ комитетѣ и 2) въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Между названными учрежденіями началась борьба. Секретный комитетъ сдѣлался органомъ крѣпостнической партіи. Призванный подготовить реформу, онъ старался затормозить ее, а если можно, и совсѣмъ похоронить подъ зеленымъ сукномъ канцелярій. Въ составъ комитета вошли люди, или никогда

не занимавшіеся крестьянскимъ вопросомъ и индеферентные къ нему, какъ, напримѣръ, баронъ Корфъ и Я. Ростовцевъ, тогда еще не успѣвшій превратиться въ друга эмансипаціи, какимъ онъ сталъ впослѣдствіи,—или сознательные враги реформы, какъ, напр., кн. Гагаринъ и кн. Орловъ, предсѣдатель комитета, говорившій, что онъ скорѣе дастъ отсѣчь себѣ руку, чѣмъ подпишетъ что-либо, клонящееся къ ущербу помѣщичьей власти. Наоборотъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, руководимое Ланскимъ, съ самаго начала заняло положеніе, сочувственное реформѣ. Въ нѣдрахъ самаго министерства намѣчались, однако, различныя теченія. Одно—умѣренно-либеральное, представителемъ котораго былъ товарищъ министра Левшинъ, богатый помѣщикъ съ оттѣнкомъ либеральнаго лэндлорда; другое болѣе радикальное—во главѣ съ Николаемъ Милютинымъ, тогда директоромъ хозяйственнаго департамента министерства. Планы Левшина не шли далѣе дарованія крестьянамъ юридической свободы, но съ сохраненіемъ за помѣщиками всѣхъ экономическихъ преимуществъ; въ кружкѣ Милютина зрѣла мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землей.

Въ начальный періодъ подготовки реформы первое теченіе преобладало, и Левшинъ явился на время главнымъ двигателемъ дѣла, которое затягивалось въ секретномъ комитетѣ плѣсенью канцелярской волокиты. Секретный комитетъ съ первыхъ же засѣданій обнаружилъ явную рѣшимость повторить исторію всѣхъ прежнихъ секретныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, иначе говоря, отложить по возможности въ долгій ящикъ начало самостоятельныхъ занятій. Тогда въ комитетъ была внесена записка Левшина съ цѣлью дать толчокъ обсужденію реформы по существу. Эта записка и стала затѣмъ исходной точкой всѣхъ Высочайшихъ рескриптовъ, намѣтившихъ первоначально принятыя основы преобразованія. Содержаніе записки сводилось къ воспроизведенію указа 1842 года, плюсъ выкупъ крестьянами усадьбъ и сообщеніе

указу 1842 г. общеобязательной силы, впрочемъ съ оговоркой, что дѣло освобожденія нельзя двигать единовременно по всей Россіи, а лишь постепенно, начавъ съ губерній западныхъ.

Обсужденіе записки Левшина вызвало въ комитетѣ бурныя пренія, занявшія подъ рядъ нѣсколько засѣданій. Рѣзко выдѣлились два мнѣнія. Выкупъ усадьбъ въ собственность крестьянъ не вызвалъ разногласій, легко понять почему: въ цѣны усадьбъ, вздувъ ихъ насколько можно, надѣялись включить контрабандой и оплату личнаго освобожденія. Но расколъ произошелъ по второму пункту. Крѣпостническая партія съ кн. Гагаринымъ во главѣ была противъ сообщенія реформѣ общепринудительной силы, при чемъ одни стояли за то, чтобы отпуски на волю допускались по добровольнымъ соглашеніямъ помѣщиковъ съ крестьянами, а другіе—за обусловливаніе такихъ отпусковъ исключительно доброй волей помѣщика. Пренія не привели ни къ чему, и комитетъ постановилъ отложить дальнѣйшія работы впредь до собранія всѣхъ «необходимыхъ для того данныхъ». Опять впереди вырисовывалось безплодное стояніе на одномъ мѣстѣ. Но въ этотъ моментъ дѣло вдругъ приняло неожиданный оборотъ, который вывелъ ходъ реформы на новый путь. Въ Петербургъ прибылъ виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ съ проектами измѣненій въ положеніи крестьянъ, которые были составлены дворянскими интвентарными комиссіями Виленской, Ковенской и Гродненской губерній. Въ видѣ отвѣта на представленіе этихъ проектовъ, 20 ноября 1857 г. былъ обнародованъ Высочайшій рескриптъ на имя Назимова объ открытіи въ названныхъ губерніяхъ дворянскихъ комитетовъ для выработки новаго Положенія о крестьянахъ. До сихъ поръ остается не выясненнымъ, изъ какихъ сферъ вышла мысль объ изданіи этого рескрипта. Повидимому, это дѣло не обошлось безъ вліянія либеральнаго кружка, групировавшагося около салона великой княгини Елены Павловны, гдѣ видную роль игралъ

Николай Милютинъ. Несомнѣнно одно: изданіемъ этого рескрипта крестьянское дѣло было вырвано изъ путъ канцелярской волокиты. Теперь само общество призывалось къ разработкѣ реформы. Губернскіе комитеты были открыты мало-по-малу по всей Россіи, а въ Петербургѣ взамѣнъ Секретнаго комитета былъ открытъ Главный комитетъ для общаго направленія дѣла реформы. Рескриптъ 20 ноября и сопровождавшій его министерскій циркуляръ содержали формулировку тѣхъ основаній реформы, которыя успѣли опредѣлиться къ моменту открытія губернскихъ комитетовъ. Эти основанія не шли далѣе ужъ извѣстной намъ записки Левшина, но министерскій циркуляръ, разъяснившій начала, намѣченныя въ рескриптѣ, заканчивался указаніемъ на то, что комитеты могутъ и отступить въ своихъ проектахъ отъ этихъ началъ, обязуясь только изъяснить мотивы, ихъ къ тому побудившіе.

Такъ, правительство, заявивъ свою, пока еще незаконченную программу, предлагало обществу высказаться по поводу этой программы, не стѣсняясь никакими рамками.

И вотъ, въ то время, какъ вожди крѣпостнической партіи въ комитетахъ игнорируя смыслъ Высочайшихъ рескриптовъ, подымали вопросъ объ открытомъ введеніи въ Положеніе выкупа личной свободы и объ ограниченіи выкупаемой усадьбы однѣми избами безъ усадебной земли, представители либеральныхъ, передовыхъ элементовъ общества, тоже вошедшіе въ составъ комитетовъ, подготовили важный и крупный шагъ въ ходѣ разработки реформы, который вывелъ все дѣло на новый путь, далеко за первоначально поставленные ему предѣлы. Они подняли и провели вопросъ о превращеніи освобождаемыхъ крестьянъ въ земельныхъ собственниковъ посредствомъ выкупа не только усадьбъ, но и *земельнаго надѣла.* Первый голосъ о выкупѣ надѣла раздался изъ Нижняго-Новгорода. Представляя Государю адресъ объ открытіи въ Нижнемъ губернскаго комитета, нижегородское дворянство включило

въ этотъ адресъ просьбу о разрѣшеніи ввести въ проектъ Положенія и выкупъ надѣла. Вскорѣ съ такимъ же ходатайствомъ выступилъ и ковенскій комитетъ. Однако эти первыя заявленія потерпѣли фіаско. Главный комитетъ настоялъ даже на запрещеніи печатнаго обсужденія связанныхъ съ выкупомъ вопросовъ. Но мысль о выкупѣ не замерла. Черезъ нѣкоторое время она снова замелькала въ ходатайствахъ изъ разныхъ губерній. Раньше всѣхъ напомнилъ о ней тверской комитетъ, руководимый Унковскимъ. Открыто заговорить о выкупѣ надѣла еще не рѣшались послѣ недавняго запрета, но Унковскій изобрѣлъ способъ высказать эту мысль въ прикровенной, хотя и достаточно прозрачной формѣ. Пользуясь тѣмъ, что выкупъ *усадьбъ* былъ уже предрѣшенъ, тверской комитетъ возбудилъ ходатайство о томъ, чтобы въ понятія усадебной осѣдлости было включено также «и все то количество земли, которое необходимо для обезпеченія быта крестьянъ». Это ходатайство имѣло важное послѣдствіе. По предложенію министерства внутреннихъ дѣлъ, главный комитетъ постановилъ: отвергнувъ предложенное тверскимъ комитетомъ опредѣленіе усадебной осѣдлости, предоставить ему право выработать, помимо проекта общаго Положенія на началахъ Высочайшаго рескрипта, еще особый проектъ о выкупѣ полевыхъ надѣловъ. Это была крупная побѣда друзей эмансипаціи. Идея выкупа надѣла переставала быть запретной. Она была признана органической составной частью подготовляемой реформы. Вскорѣ указаннымъ прецедентомъ воспользовлся рядъ другихъ комитетовъ: калужскій, ставропольскій, вологодскій, орловскій, смоленскій, тульскій и проч. Впрочемъ, постановка вопроса о выкупѣ надѣловъ еще не предрѣшала того, въ какомъ духѣ и въ какомъ объемѣ этотъ вопросъ будетъ разработанъ при составленіи Положенія. Было не мало людей, подымавшихъ этотъ вопросъ съ увѣренностью въ полной неосуществимости выкупа надѣловъ и съ надеждой, что выясненіе невозможности выкупа надѣловъ заставитъ, быть можетъ,

отказаться и отъ выкупа самихъ усадьбъ. Но въ этотъ моментъ на помощь либеральнымъ меньшинствамъ губернскихъ комитетовъ выступила другая сила—прогрессивная журналистика, которая съ своей стороны внесла существенную лепту въ разработку началъ предпринятой реформы. Трудами серьезныхъ публицистовъ была освѣщена и доказана: 1) *необходимость* выкупа надѣловъ съ точки зрѣнія общегосударственныхъ нуждъ и 2) практическая *осуществимость* выкупной операціи съ финансовой точки зрѣнія. За исключеніемъ явно крѣпостническихъ органовъ, какъ «Журналъ Землевладѣльцовъ», всѣ прочіе журналы того времени согласно высказывались за то, что освобожденіе крестьянъ должно сопровождаться превращеніемъ ихъ въ земельныхъ собственниковъ. Въ этомъ отношеніи подавали другъ другу руки славянофильское «Сельское Благоустройство», либеральный «Русскій Вѣстникъ» и радикальный «Современникъ». Въ первомъ изъ названныхъ журналовъ Самаринъ доказывалъ *историческія* права крестьянъ на воздѣлываемыя ими земли, впрочемъ основывая этотъ взглядъ на довольно спорныхъ экскурсіяхъ въ область древнерусскихъ аграрныхъ и соціальныхъ отношеній. Съ большей вѣскостью прочіе журналы переносили центръ тяжести вопроса на почву очередныхъ государственныхъ потребностей Россіи. «Русскій Вѣстникъ» помѣстилъ, напр., статью Унковскаго, гдѣ доказывалось, что безъ выкупа надѣловъ въ собственность крестьянъ и самая личная свобода крестьянъ будетъ достигнута только на бумагѣ. Онъ доказывалъ далѣе, что выкупъ надѣловъ, вопреки распространенному убѣжденію, менѣе затронетъ права собственности помѣщиковъ, чѣмъ отведеніе крестьянину земли въ обязанное вѣчное и потомственное пользованіе. При обязанномъ пользованіи помѣщикъ лишается навсегда и предмета своей собственности и свободнаго распоряженія этимъ предметомъ, тогда какъ при выкупѣ онъ лишится только самаго предмета, но получивъ взамѣнъ его равноцѣнный капиталъ, не потеряетъ возможности

распоряженія своею собственностью въ другомъ ея видѣ. Особенное вниманіе обратило на себя тогда по защитѣ идеи выкупа записка, составленная Кавелинымъ. И въ этой запискѣ доказывалось, что безземельное освобожденіе или обрекло бы крестьянъ на полное экономическое рабство или толкнуло бы значительную часть крестьянства на безпрерывное кочеваніе, къ явной опасности для государства во всѣхъ отношеніяхъ.

Но задачи публицистики шли далѣе. За вопросомъ о необходимости выкупа надѣловъ подымался вопросъ объ его осуществимости. Долгое время преобладалъ взглядъ, что выкупная операція потребуетъ такихъ грандіозныхъ затратъ, которыя окажутся не подъ силу государству. Въ виду такой перспективы многіе, даже сочувствовавшіе выкупу въ принципѣ, считали его химерой. Большая заслуга журналистики того времени заключается въ томъ, что она помогла разсѣять эти преувеличенные страхи передъ трудностью выкупной операціи. Въ «Современникѣ», напр., появилась цѣлая, можно сказать, монографія о выкупѣ, въ которой детально, во всеоружіи точныхъ финансовыхъ разсчетовъ, доказывалось, что всѣ устрашающіе толки о милліардахъ, потребныхъ для выкупа, основываются единственно на произвольной оцѣнкѣ подлежащихъ выкупу земель. Всѣ приведенные факты не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что выкупъ надѣловъ, явившійся самой характерной чертой реформы 1861 г., былъ выдвинутъ и введенъ въ составъ преобразовательной программы всецѣло усиліями представителей передового общественнаго мнѣнія. Общество помогло законодателю выяснить истинную сущность задуманной реформы и раздвинуть узкія рамки, первоначально для нея оставленныя.

Я остановился съ подробностью на вопросѣ о выкупѣ, какъ на самомъ выпукломъ примѣрѣ той громадной пользы, которую принесло активное участіе общества въ законодательной работѣ. Но и помимо выкупа, въ цѣломъ рядѣ другихъ вопросовъ голоса изъ общеста, раздававшіеся

и въ комитетахъ и на страницахъ журналовъ, во многомъ освѣтили тотъ реформаціонный путь, на который вступило правительство.

Когда редакціонныя комиссіи, работая надъ составленіемъ окончательнаго своднаго проекта Положенія, вступили въ борьбу съ крѣпостническими домогательствами и начали отстаивать шагъ за шагомъ болѣе широкія реформы, онѣ могли основать каждое свое постановленіе на заявленіяхъ и проектахъ либеральнаго меньшинства губернскихъ комитетовъ: тамъ, въ сужденіяхъ этихъ истинныхъ русскихъ земцевъ были уже высказаны всѣ основныя положенія здраваго разрѣшенія крестьянскаго вопроса.

Но представители земли и на этотъ разъ не ограничивались выясненіемъ одной лишь ближайшей текущей задачи, имъ предложенной. Они тотчасъ связали эту задачу съ цѣлой программой необходимыхъ дальнѣйшихъ преобразованій, вызываемыхъ очередными потребностями жизни. Программа всѣхъ преобразованій 60-хъ годовъ была уже намѣчена и ясно формулирована въ заявленіяхъ дѣятелей губернскихъ комитетовъ. Особенный интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ отзывъ на труды редакціонныхъ комиссій не разъ уже упомянутаго тверского депутата Унковскаго. Представляя блестящую характеристику дореформеннаго строя русской жизни, этотъ отзывъ съ неотразимою убѣдительностью доказывалъ, что отмѣна крѣпостного права логически должна повести за собою общее переустройство государственнаго быта Россіи. Основы будущей судебной, земской, городской реформъ уже обрисованы въ этомъ отзывѣ твердой и увѣренной рукой.

Послѣдующія событія показали, что голосъ Земли явился въ этомъ случаѣ голосомъ истинной государственной мудрости.

Неизмѣнная повторяемость какихъ-либо явленій всегда указываетъ на то, что онѣ глубоко коренятся въ самой природѣ вещей. Сопоставивъ наиболѣе крупныя факты изъ практики русскаго законодательства за три послѣднія сто-

лѣтія, мы замѣтили нѣсколько удивительно устойчивыхъ чертъ, повторявшихся при самыхъ различныхъ историческихъ обстановкахъ каждый разъ, когда Россіи предстояло приступить къ серьезнымъ реформамъ своего внутренняго быта. Каждый разъ эти реформы достигали удовлетворительнаго осуществленія не иначе, какъ при условіи дѣятельнаго участія общества въ разработкѣ законодательныхъ вопросовъ.

Цѣна 15 коп.

Лица, выписывающія на 2 руб. (просятъ деньги присылать впередъ, можно марками), за пересылку не платятъ.

Книжные магазины пользуются обычной скидкой; при заказѣ на 75 р. (Европ. Рос.) по желѣзн. дор. пересылка принимается за счетъ издательства.

Главный складъ изданій въ Ростовѣ на Дону при типографіи Т-ва „Донская Рѣчь"

Въ Ростовѣ н-Д. книжный магазинъ Г. Городецкаго, Б. Садовая.

Въ Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ «Дѣло», Пантелеймоновская, № 13/15

Въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ «Трудъ», Тверская улица.

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ „Образованіе", Ришельевская ул.

Въ Вяткѣ, » Саратовѣ, » Харьковѣ — книжные склады губернскихъ земствъ.

Дозв. ценз. Ростовъ н-Д. Тип. Т-ва „Донская Рѣчь".